

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ТЕРРОРИСТОВ

Д.А. Журавлев

В исследовательской литературе уже давно существует подход к рассмотрению терроризма как коммуникативного процесса¹. Автор данной статьи разделяет подобные взгляды и в связи с этим предлагает сравнительную характеристику трех стратегий действий террористов, исходя из существующих и имеющихся в их распоряжении средств коммуникации и массовой информации.

Традиционные СМИ — печатные (газеты и журналы) и вещательные (радио и телевидение) развивались параллельно с эволюцией терроризма. Возникновение «новых» СМИ (связанное в первую очередь с научно-техническим прогрессом) вызывало пусть и не мгновенное, но кардинальное изменение в системе коммуникаций. Вместе с изменениями в информационно-коммуникативном пространстве мировой политики менялся и облик терроризма².

Двумя последними «революциями» в СМИ стали появление спутниковой телевизионной сети и изобретение Интернета. Наличие новых вещательных технологий в распоряжении новостных агентств подталкивало террористов к «постановке спектаклей террора» в прямом эфире. Наиболее ярко эта тенденция проявилась, например, во время теракта на Олимпий-

ских играх в Мюнхене в 1972 г., во время захвата рейса 847 компании Trans World Airlines в 1985 г. и в ряде других резонансных терактов.

Создание Интернета совпало со становлением нового типа террористических групп. Учитывая взаимосвязь средств коммуникации и терроризма, мы можем определить три модели коммуникативных стратегий террористов.

Первая из них относится к эпохе традиционных СМИ, а также зарождения и развития современного терроризма, которая ведет свой отсчет с 1968 г., когда палестинские террористы впервые угнали израильский самолет с целью получения наибольшего освещения и, следовательно, огласки своих требований и дела, за которое они выступали.

Исторически терроризм был ограничен в своей способности распространять сообщения в двух аспектах, которые отличаются от современного положения вещей. Во-первых, террористы не могли быть уверены, что картины насилия получат освещение, а соответствующие сообщения, следовательно, будут переданы аудитории. Террористам приходилось четко просчитывать течение терактов, чтобы гарантировать необходимый масштаб освещения. Во-вторых, если освещение и будет иметь место, редакторы СМИ могли выбрать невыгодный для террористов ракурс, под которым будет преподнесено сообщение³.

До последнего времени террористы в вопросах пропаганды и убеждения ау-

¹ См., напр: Schmid A.P., de Graaf J. *Violence as Communication: Insurgent Terrorism and the Western News Media*. L. ; Beverly Hills: SAGE Publications, 1982 ; Weimann G., Winn C. *The Theater of Terror: Mass Media and International Terrorism*. N.Y. ; L. : Longman, 1994.

² Подробнее об эволюции терроризма во взаимосвязи с развитием СМИ см.: Журавлев Д.А. *Международный терроризм и СМИ: эволюция коммуникационного взаимодействия* // Вестник РГГУ. 2009. № 14. Серия «Международные отношения. Регионоведение». С. 157–169.

³ Klopfenstein B. *Terrorism and the Exploitation of New Media* // *Media, Terrorism, and Theory: A Reader* / Ed. by Anandam P. Kavoori and Todd Fraley. Lanham, Boulder, N.Y., Toronto, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2006. P. 108.

дитории в правоте своего дела сильно зависели от третьих сторон: обычно они не владели собственными телевизионными или радиостанциями (и лишь изредка обладали печатными изданиями), и таким образом, террористам требовались СМИ (телевидение, газеты, радио) для того, чтобы распространять свои сообщения.

Данный период был ознаменован расцветом этнонационального / сепаратистского и левого / революционного терроризма. У террористов обоих этих типов существовали определенные ограничения в их деятельности, вызванные необходимостью соблюдать «баланс террора». Несмотря на постепенное увеличение масштабов терактов, вызванное логикой «спирали насилия», можно утверждать, что ключевым в деятельности этих типов террористов оставался «театр террора»⁴. В 1974 г. один из самых известных исследователей терроризма Брайан Дженкинс заявил: «Терроризм — это театр. Теракты зачастую тщательно срежиссированы, чтобы привлечь внимание электронных СМИ и международной прессы»⁵. Крупномасштабные теракты были не нужны, поскольку они могли отвратить аудиторию от сочувствия террористам. На экране телевизора или на фотографии в газете теракт не должен был выглядеть как беспощадная бойня (хотя именно так он часто и изображался). Террористам было необходимо нащупать тот самый «болевой порог» в психике западного обывателя, когда тот испытывает сильные чувства, способные подвигнуть его на оказание давления на политический процесс в стране, но с другой стороны, когда не наступает шок онемения от масштабов трагедии.

Для передачи подобных спектаклей традиционные СМИ подходили достаточно неплохо. Контекст проблемы, то самое «дело», за которое радели террористы, конечно же, выпадал из поля зрения

как СМИ, так, следовательно, и общества. Однако иные проблемы, стоящие перед террористами, например рекрутирование и сбор средств, достаточно успешно решались и без наличия таких средств коммуникации, как Интернет.

До распространения новых медийных технологий и Интернета считалось, что ведущие СМИ являются соучастниками в достижении террористами их целей. Это происходило потому, что внимание СМИ к террористам имело значительно большее влияние, чем их собственная пропаганда⁶.

Суммируя особенности этого этапа, можно вслед за Г. Вайманном сказать, что «до изобретения и начала фазы активного использования Интернета все надежды террористов на получение огласки своего дела были связаны со стремлением привлечь внимание телевидения, радио и печатных СМИ»⁷. Даже заинтересовав СМИ с помощью резонансного теракта, как мы отмечали выше, террористам редко удавалось донести до аудитории суть своих требований и широкий контекст проблемы, за решение которой они выступали.

Наиболее очевидное использование данной стратегии мы могли наблюдать в эпоху, когда «новые» СМК (средства массовой коммуникации) еще не существовали либо находились в начальной стадии развития. В наши дни данная стратегия могла бы быть выражена в игнорировании Интернета и иных «новых» СМК со стороны террористов, что встречается достаточно редко.

Вторая возможная стратегия заключается в производстве собственной медиапродукции и ориентации исключительно на деятельность с применением «новых» СМК, в первую очередь — Интернета. Развитие «новых» коммуникационных технологий позволило различным участ-

⁴ Подробнее об эффектах освещения терроризма в СМИ см.: Журавлев Д.А. СМИ и терроризм // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 71–80.

⁵ Цит. по: Хоффман Б. Терроризм: взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003. С. 160.

⁶ Conway M. Terrorism and the Making of the 'New Middle East': New Media Strategies of Hizbollah and al Qaeda. URL: http://doras.dcu.ie/503/1/new_media_2007.pdf (дата обращения: 03.06.2010).

⁷ Weimann G. www.terror.net: How modern Terrorism Uses the Internet. Special report № 116. March 2004 / United States Institute of Peace. P. 6.

никам международных отношений, в том числе террористическим группам, выйти на качественно иной уровень в своих коммуникационных стратегиях.

К «новым» сетевым коммуникационным технологиям можно отнести: технологии связи, в том числе и Интернет; мобильные компьютерные технологии; персональные электронные устройства (КПК и мобильные телефоны); специальные программы; услуги в сферах информационных технологий и доступа в Интернет; устройства видеозаписи и иные записывающие устройства⁸.

Суть «нового» этапа в развитии СМИ в преломлении нашей темы заключается в том, что данные технологии стали доступными широкой публике. Если ранее террористы редко обладали собственными СМИ, за исключением мини-типографий, которые выпускали листовки, брошюры или небольшие журналы, либо собственных радиостанций (с небольшой зоной вещания), то теперь они приобрели возможности для построения собственных телевизионных каналов, а сеть радиостанций значительно расширилась.

Террористы прямо заинтересованы в использовании всех особенностей Интернета, таких как объем информации, скорость, формат (мультимедийность), направление коммуникации (возможна двухсторонняя), индивидуальный контроль, анонимность, уклонение от правительственного контроля, низкие затраты, глобальность. Наиболее интересным для нас является даруемая Интернетом, равно как и иными «новыми» СМК, возможность преодолеть то, что Д. Деннинг назвала «управление восприятием» («perception management») — т.е. террористы могут изобразить себя точно такими, какими хотят они казаться, и избежать фильтров, налагаемых традиционными СМИ⁹.

Безусловно, новые СМК значительно расширили сферу деятельности террористов. Три новые технологии 1990-х годов позволили им вырваться из «мертвой хватки» коммерческих и государственных СМИ в области массовых коммуникаций: Интернет; дешевое и быстрое производство и тиражирование видеопроизведения; частные ТВ-станции в пользовании террористов¹⁰. Эти три технологии открыли новую «сцену» «театра террора».

Именно появление телевизионных станций, контролируемых террористами, стало, по словам Б. Хоффмана, «возможно, самым впечатляющим коммуникационным прорывом, совершенным террористами за последние 10–15 лет»¹¹. Именно с помощью собственных ТВ-станций и съемочных групп террористы получили полный контроль над всеми составляющими передаваемого сообщения: содержанием, контекстом, видеокадрами, комментариями. Самым ярким примером ТВ-станции, выступающей «рупором» террористов, может служить деятельность телеканала Аль-Манар, который находится под сильным влиянием ливанской Хезболлы¹².

Параллельно с процессом эволюции коммуникационных средств шел процесс изменения лица терроризма. С конца 80-х годов XX в. начался постепенный закат «традиционных» террористических групп, и к середине 90-х годов их деятельность постепенно сошла на нет. Большей частью они встали на путь сотрудничества с официальными властями (как ИРА); исчезли с политической сцены, напоминая о себе лишь редкими немасштабными терактами (как ЭТА); либо были уничтоже-

¹⁰ Ibid. P. 200–201.

¹¹ Ibid. P. 222.

¹² Подробнее о деятельности Аль-Манара см.: Conway M. Terror TV? An Exploration of Hizbollah's al-Manar Television // Countering terrorism and insurgency in the 21st century: international perspectives / ed. by James J.F. Forest. In 3 vols. Westport, Connecticut; L. : Praeger Security International, 2007. Vol. 2 : Combating the Sources and Facilitators. P. 401–419 ; Байлуни А.-М. Аль-Манар и АльХурра: борьба спутниковых каналов и идеологий. URL: <http://www.agentura.ru/press/almanar/> (дата обращения: 03.06.2010).

⁸ Подробнее см.: Don B.W., Freilenger D.R., Gerwehr S., Landree E., Jackson B.A. Network technologies for networked terrorists: assessing the value of information and communication technologies to modern terrorist organizations. RAND, 2007. P. 2.

⁹ Hoffman B. Inside Terrorism / Rev. and expanded ed. N.Y. : Columbia University Press, 2006. P. 202.

ны правительственными силами (как Тамильские тигры).

В 90-е годы на сцене мировой политики появился религиозный терроризм. Причин тому было несколько. Это и изменение геополитической ситуации после окончания холодной войны, когда значительно сократилось финансирование многих террористических групп со стороны государства, это и односторонние действия США, вызвавшие раздражение во многих арабских странах, это и упоминаемый многими исследователями «реванш Бога» — т.е. резкое усиление религиозных чувств в мире. Все это в целом породило феномен религиозного терроризма.

Терроризм этого нового этапа имеет ряд характерных черт:

Организационно террористы представляют собой сочетание свободных сетей и *ad hoc* групп. Группы объединены идеями и общими взглядами на мир, а не конкретными политическими установками — у них имеется общий набор постулатов, во исполнение которых отдельные группы могут достаточно свободно выбирать свои цели и средства их достижения. Мы можем говорить о «глобальной идеологии» радикального исламистского терроризма, об идее глобального наступательного джихадизма.

В основе мотиваций террористов лежит религия, а не этнонациональный сепаратизм либо лево-революционная доктрина. У этого терроризма нового типа значительно меньше сдерживающих факторов — свою поддержку террористы черпают у Бога либо у обожествляемых харизматических лидеров сект. Идея «баланса террора» более не является сдерживающим фактором, однако логика «спирали насилия» осталась в силе. Именно этим можно объяснить стремление многих террористов к проведению все более масштабных терактов. Отсутствие необходимости поддерживать баланс устрашения привело террористов к идее о массовых терактах, реальным воплощением которых стали акты 11 сентября 2001 г. Кроме того, все более активным становится использование террористов-смертников. Также эти группы, по мнению некоторых

исследователей, вследствие своих идеологических установок и меньшего количества сдерживающих факторов имеют потенциал к использованию оружия массового уничтожения.

Операции проводятся с использованием информационных и коммуникационных технологий — причем речь идет не только об ориентации на освещение своих действий, но в первую очередь о применении новых технологий на стадии подготовки терактов.

У этих новых групп меньше нужда в прямом спонсорстве со стороны государства. Они сами изыскивают средства для обеспечения своей деятельности, все меньше ориентируясь на государственные источники финансирования.

Группы апеллирует к диаспорам, а не только к домашним аудиториям — таким образом, налицо изменение структуры аудитории терроризма¹³.

Глобальный джихадизм, как отмечает норвежская исследовательница Х. Роган, возник в середине 1990-х годов, когда «Усама бен Ладен объявил США и Запад главными врагами мусульманского мира и призвал своих последователей сражаться с этим врагом, невзирая на естественные и государственные границы. Фокус усилий экстремистов сместился с «ближнего врага» (местный режимов «неверных») к «дальному врагу» (Западу)»¹⁴. И именно «технологический прогресс создал возможность осмыслить глобальную стратегию»¹⁵, — как пишет М. Сейджман.

Старые коммуникационные технологии не обеспечивали нужного уровня вза-

¹³ Подробнее см: Hutchinson W. Information terrorism: networked influence. URL: http://scissec.scis.ecu.edu.au/proceedings/2006/iwar/Hutchinson%20-%20Information%20terrorism_%20networked%20influence.pdf (дата обращения: 03.06.2010).

¹⁴ Rogan H. Jihadism online — A study of how al-Qaida and radical Islamist groups use the internet for terrorism purposes / Forsvarets Forskningsinstitut / Norwegian Defence Research Establishment. Kjeller (Norway), 2006. P. 8.

¹⁵ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-пресс, 2008. С. 168.

имодействия, и чем более был изолирован фанатик, тем больше возрастала вероятность того, что его фанатизм начнет ослабевать, но революция в коммуникационных технологиях, произошедшая в 1990-е годы, резко изменила ситуацию¹⁶. Именно Интернет позволил джихадистам не только выработать глобальную стратегию, но и сформулировать основания для коллективной идентичности. Интернет, как рассуждает далее М. Сейджман, «создает видимость прочных уз между индивидом и виртуальным мусульманским сообществом. Это виртуальное сообщество играет ту же самую роль, которую «воображаемые сообщества» сыграли в развитии чувства национализма. Виртуальное сообщество не привязано более к какой бы то ни было нации, а это условие соответствует мифической умме салафизма, который настойчиво отрицает национализм и утверждает приоритет глобального салафитского джихада в борьбе скорее против «дальнего врага», нежели против «ближнего врага»¹⁷.

Помимо влияния на выстраиваемые коммуникационные стратегии, «новые» СМК оказывают непосредственное влияние на организационную структуру террористических групп. Мир наших дней пронизан многочисленными коммуникационными сетями. Именно «сеть» является сейчас одним из ключевых понятий в теории организаций. Как мы уже отмечали раньше, терроризм находится в поразительном соответствии с типами СМИ, доминирующими в каждый конкретный исторический момент.

Развитие новых коммуникационных и компьютерных технологий способствует становлению сетей тремя путями. Во-первых, они уменьшают время передачи данных, во-вторых, снижают стоимость коммуникации, в-третьих, расширяют масштаб и сложность информации, которая может подлежать обмену¹⁸.

Подобные процессы влияют на организационную структуру любых организаций — от социальных сетей филателистов до деятельности глобальных ТНК. Террористические группы не являются исключением. По свидетельству М. Конуэй, «террористы эволюционируют от иерархической структуры к сетям информационного века»¹⁹. Террористы наших дней организационно и оперативно представляют собой нечто новое по сравнению с иерархизированными небольшими ячейками «традиционных» террористов либо же по сравнению с боевыми отрядами, которые, по сути, ведут городскую герилью на своей или на спорной территории.

Исследователи, например М. Занини, полагают, что «чем больше внедрен сетевой принцип в структуру террористической группы, тем более вероятно, что информационные технологии используются в процессе принятия решений»²⁰. Таким образом, мы видим, что определенная структура требует определенных технологий для своего функционирования.

Подобная взаимосвязь коммуникационных технологий и формы организации позволяет нам судить даже о внутренней структуре террористических групп по внешним формам их проявлений в глобальном информационном пространстве. В частности, исследователи отмечают, что «структура веб-сайтов копирует структуру организации — Хезболла имеет жесткую вертикаль с инструкциями для сторонников, в то время как сайты Аль-Каиды более интерактивны и неиерархичны»²¹.

Ronfeldt. RAND; National Defense Research Institute, 2001. P. 35–36.

¹⁹ Conway M. Terrorism & New Media: The Cyber Battle Space. URL: http://doras.dcu.ie/500/1/terrorism_new_media_2007.pdf (дата обращения: 03.06.2010).

²⁰ Цит. по: Conway M. Terrorism & New Media: The Cyber Battle Space. URL: http://doras.dcu.ie/500/1/terrorism_new_media_2007.pdf (дата обращения: 03.06.2010); см. также: Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M. Networks, Netwar, and Information-age Terrorism // Countering the New Terrorism. RAND, 1999. P. 64.

²¹ Brown I., Korff D. Terrorism and the Proportionality of Internet Surveillance // European Journal of Criminology. Vol. 6. № 2. P. 123.

¹⁶ Там же. С. 167.

¹⁷ Там же. С. 170.

¹⁸ Zanini M., Edwards S.J.A. The net-working of terror in the information age // Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime and Militancy / Ed. by John Arquilla, David

Данный вывод вполне соотносится с реальным анализом структур управления и принятия решений в данных организациях. У Хезболлы есть ресурсы и специалисты для поддержания своего головного сайта, кроме того, он более или менее постоянен по своему адресу, поскольку существует «балансирование» на грани дозволенного, чтобы воспрепятствовать обвинениям в пропаганде терроризма и, следовательно, закрытию сайта. Кроме того, Хезболла традиционно является более иерархизированной организацией, чья сфера деятельности не исчерпывается лишь проведением террористических кампаний. Более того, существуют явные свидетельства о серьезной поддержке ливанской группы со стороны Ирана. Именно поэтому Хезболла имеет возможности и средства для активного и сбалансированного позиционирования себя в глобальной информационной среде.

Аль-Каида же представляет собой менее иерархизированную структуру. Ее деятельность носит глобальный характер, который практически полностью заключается в ведение террористических кампаний против врагов организации. Сайты Аль-Каиды часто делают новички без должного опыта, на них содержатся радикальные высказывания, наличие которых часто приводит к закрытию сайтов и постоянной смене серверов и адресов. Аль-Каида является скорее «зонтичной» структурой, «брендом», советом доктринеров, которые не могут выделять столь значительные ресурсы на пропагандистскую кампанию и ориентированы на деятельность сторонников и сочувствующих для распространения своего сообщения.

Однако существует иной подход к рассматриваемой проблеме. Согласно некоторым исследователям «взаимосвязь между организационной структурой и использованием информационных идеологий трудно установить. Может существовать множество причин, почему новые группы используют информационные технологии, например возраст членов группы (молодежь лучше знакома с компьютерами) или объем финансирования (электронные «штуковины» мо-

гут позволить себе только богатые группы). Эмпирически доказать или опровергнуть данные рассуждения практически невозможно»²². Таким образом, возникает вопрос — становятся ли террористы сетевыми из-за новых средств коммуникации, либо же в основе их организационной трансформации лежат другие принципы, а информационные технологии используются по причине их удобства, практичности либо по другим соображениям, отличным от корреляции между организационной структурой и коммуникативными технологиями.

Скорее всего, взаимовлияние формы организации и применяемых коммуникативных технологий существует, но не является доминирующим. В основе логики построения групп террористов лежат соображения не только эффективности коммуникации, но и, что важнее, скрытности, незаметности, возможности сосредоточить усилия для выполнения миссии.

Организационные выгоды, получение которых связано со все большей информатизацией, нужно взвесить против необходимости прямого человеческого контакта и усиленной безопасности. Таким образом, как отмечают исследователи, гибриды иерархичных и сетевых структур могут наилучшим образом отражать последствия данных калькуляций²³.

Помимо прочего, все более активное использование «новых» СМК ведет к иным негативным последствиям для террористов.

Как отмечают аналитики IntelCenter: «[С определенного момента] производство фильмов (хронометражем в 1–2 часа) и съемка на видео операций стали «аттестатом» зрелости группы джихадистов по всему миру. Можно ожидать, что новые джихадистские организации будут стремиться обозначить себя не только с помощью съемки своих операций, но и производства достаточно длинных фильмов. А существующие группы будут ощущать

²² Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M. Networks, Netwar, and Information-age Terrorism // Countering the New Terrorism. RAND, 1999. P. 65.

²³ Zanini M., Edwards S.J.A. Op. cit. P. 40.

давление и необходимость выпускать новый видеоматериал из риска прослыть мертвыми в СМИ и экспертных кругах»²⁴. Также распространение видеопроизведения интересным образом дискредитировало предыдущие способы передачи сообщения — например, кассеты с аудиообращениями лидеров глобального джихада²⁵.

Как мы видим, группы буквально вынуждены использовать новые технологии и тратить свои ресурсы на присутствие в информационно-коммуникативном пространстве даже в том случае, когда они прямо не заинтересованы в этом. Более того, любой материал, а особенно видео, дают зачастую немало бесценной информации в руки армий, ведущих операции против террористов, либо сотрудников правоохранительных органов.

Мы видим, что терроризм попал в зависимость от новых технологий. Если раньше логика жизненных циклов террористов была связана со «спиралью насилия», т.е. с физическим измерением их деятельности и ее коммуникативным проявлением в виде освещения со стороны СМИ, то теперь они связаны со способностью и, как видим, также с необходимостью производить медиапродукт самостоятельно.

«Новые» СМК позволяют террористам производить медиапродукты с необходимым смысловым наполнением в различных форматах — будь то текстовая информация, аудио- и видеозаписи. Многие аналитики считают это прорывом в коммуникативных стратегиях террористов. Например, М. Конуэй пишет: «До запуска пиар-кампании в Интернете [«пиар-менеджеру» Аль-Каиды] аль-Заркауи приходилось в каждой операции добиваться гибели большого числа людей, чтобы ее заметили в хаосе и большом количестве смертей в Ираке. Выйдя в онлайн, Заркауи смог контролировать интерпретации произведенного насилия и достигать большего коммуникативного эффек-

та при меньшем размахе операций»²⁶. Я бы был более осторожен в подобных выводах.

«Новые» СМК позволяют террористам представить себя в наиболее выгодном для них свете тем, кто по каким-то причинам заинтересуется их деятельностью. Процесс радикализации может привести к тому, что человек захочет больше узнать о террористической группе и ее действиях. В этом ему как раз и должны помочь веб-сайты террористов.

Важно понять, что потребление коммуникационных продуктов в Интернете носит добровольный характер. Никто не заставляет человека посещать сайты террористов, читать их форумы и смотреть отснятые видео. Равно как реклама сайтов террористов не размещается на страницах поисковых ресурсов и в иных местах массового скопления пользователей. Чтобы человек посетил сайт террористов, его надо подвигнуть на это. А для этого надо сообщить о своем существовании и заинтересовать. В свою очередь, основной аудиторией интернет-сайтов джихадистов являются люди, которые уже подверглись определенной радикализации, т.е. те, кто в той или иной степени разделяет мнение террористов. Все это свидетельствует об ограниченности аудитории, которую террористы могли бы достичь, используя исключительно «новые» СМИ. Очевидно, что помимо производства собственного медиапродукта необходимо обеспечить интерес к нему. Эта стратегия может быть выражена в виде комбинированного подхода.

Третья стратегия — комбинированный подход. Ее суть состоит в том, что террористы оперируют собственными медиаресурсами, будь то сайт либо телеканал. Это их потенциальный информационно-коммуникативный ресурс, для привлечения внимания к которому применяются традиционные средства — теракты, имеющие своей целью (помимо иных) получение освещения в СМИ.

Очевидно, что сайты террористов созданы таким образом, чтобы подать их сообщение в наиболее выгодном свете. Бо-

²⁴ Evolution of Jihadi Video (EJV) v. 1.0 / IntelCenter. 36 p. URL: <http://www.intelcenter.com/EJV-PUB-v1-0.pdf>. P. 5 (дата обращения: 03.06.2010).

²⁵ Ibid.

²⁶ Conway M. Op. cit.

лее интересным является использование Интернета для привлечения внимания традиционных СМИ. Вообще, как отмечает Т. Томас, Интернет может быть использован, чтобы отвлечь внимание от реальных событий (происходящих, либо запланированных)²⁷. Ту же мысль проводит и Б. Хоффман, когда пишет об «отмывании информации» — создании «шума в Интернете» с целью продвинуть свою историю в традиционных СМИ²⁸. Публикация информации на сайте террористов вызовет большие подозрения, но если подобные сведения озвучат, например, ведущие телеканалы, то в общественное сознание она войдет как проверенная и заслуживающая определенного доверия.

Интересным образом тренды дискурсивных практик джихадистов совпадают с коммуникативной деятельностью иных общественных групп. Эту особенность описывает А. Аван: «Стремление показать конфликт «с другой стороны» или простое противопоставление представляемой картины образу, создаваемому ведущими СМИ, — вот что сближает веб-сайты джихадистов и интернет-активность других общественных групп»²⁹. Суть заключается в том, что информационно-коммуникативные усилия по преодолению подобной «блокады» в традиционных (чаще всего — западных) СМИ роднит различные общественные группы. Общность направлений действия рождает взаимообмен материалами. Этот обмен выгоден террористам тем, что их голоса переплетаются с голосами тех, кто не является столь маргинализированным источником информации в обществах различных стран. Именно этот рост взаимосвязей с медиаактивистами, не относящимися к мейнстриму, спо-

собствовал легитимизации террористов как источников информации.

Этот процесс сам по себе не был бы столь значимым, если бы к процессу заимствования информации из медиаресурсов террористов не подключились авторитетные (опять же, в первую очередь — западные) СМИ.

Как отмечает Г. Вайманн, теоретически террористы приобрели «возможность определять освещение, которое получит то или иное событие в традиционных СМИ, поскольку те все чаще обращаются к Интернету как источнику информации»³⁰. Используют ли традиционные СМИ, в которых редакторский отбор материалов все еще остается весьма серьезным препятствием для коммуникативных целей террористов, их точку зрения на рассматриваемую проблему, заимствуют ли их риторику — этот вопрос остается открытым. Но то, что СМИ получают возможность ознакомиться с позицией террористов, возможно, прокомментируют их рассуждения в эфире (либо на страницах газеты), — все это практически не вызывает сомнений.

Говоря о сетевой войне, необходимо помнить, что именно коммуникационный аспект является главным в ней. Побеждает тот, чья история побеждает³¹. Если говорить о проблеме Чечни, которая является наиболее актуальной для России, то аналитики, в частности Б. Раман, отмечают следующее информационное измерение проблемы: «В регионах, подобных Чечне, в которые российские власти не пускали иностранных журналистов, веб-сайты [террористов] определенно становились источником информации для людей за границами России, которые хотели получить взгляд на события с иной точки зрения, кроме официальной»³². Отече-

²⁷ Thomas T.L. Al Qaeda and the Internet: The Danger of «Cyberplanning» // Parameters. 2003. Spring. P. 122.

²⁸ Hoffman B. The Use of the Internet by Islamic Extremists / CT-262-1, Testimony presented to the House Permanent Select Committee on Intelligence on May 4, 2006. RAND corporation: 2006. P. 4.

²⁹ Awan A.N. Virtual jihadist media: Function, legitimacy and radicalizing efficacy // European Journal of Cultural Studies. 2007. Vol. 10. № 3. P. 402.

³⁰ Weimann G. Op. cit. P. 3.

³¹ Ronfeldt D., Arquilla J. What next for networks and netwars? // Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime and Militancy / Ed. by John Arquilla, David Ronfeldt. RAND; National Defense Research Institute, 2001. P. 328.

³² Raman B. From Internet to Islamnet: Net-centric counter-terrorism. URL: http://www.e-prism.org/images/FROM_INTERNET_TO_

ственный исследователь проблем терроризма А. Солдатов развивает данную тему: «Долгие годы чиновники самого разного уровня ограничивались тем, что метали громы и молнии в отношении стран, предоставивших хостинг «Кавказ-центру». При этом никому не приходило в голову подумать, почему информация этого ресурса находит спрос. Борьба выглядела совершенно безнадежной и бессмысленной. В отсутствие качественной официальной информации журналисты продолжали пользоваться данными боевиков, поскольку иногда это была единственная возможность узнать хоть что-то, имеющее отношение к действительности»³³. Причем заметим, что в зависимости от отношения СМИ (либо правительств стран их базирования) со страной, где развивается конфликт (в данном примере — с Россией), и громкость звучания этой «другой истории», предоставляемой террористами, будет разной. Учитывая серьезную критику, которой подвергалась Россия за действия в Чечне, сообщения террористов иногда могли стать основой для создания репортажей, определяющих восприятие этого конфликта в зарубежных странах.

Данные проблемы не являются уникальным случаем России и конфликта в Чечне. Зачастую достаточно одного коммуникативного «прорыва», чтобы источник информации, контролируемый террористами, стал более авторитетным в глазах глобальных СМИ, чем правительственные. Один из ведущих специалистов по терроризму Б. Хоффман описывает противоречивое освещение правительственными шри-ланкийскими СМИ и сайтами Тамильских тигров битвы за лагерь Муллаитиву: «Освещение «тигров»

было более точным. Это был огромный прорыв для [сайта террористов] TamilNet и альтернативных каналов передачи новостей. Газеты, такие как Washington Post и International Herald Tribune, стали цитировать бюллетени и заявления Тигров освобождения Тамил Илама и все с большим подозрением относились теперь к официальным источникам новостей в армии Шри-Ланки»³⁴. Пусть этот успех был временным, но подобные «прорывы» свидетельствуют о том, что усилия террористов не являются бесплодными. Надо отметить, что два этих примера (Чечня и Шри-Ланка) отражают общую информационно-коммуникативную динамику любого конфликта. Жесткая цензура зачастую является худшим вариантом, чем даже полное ее отсутствие³⁵.

Если суммировать наши рассуждения, то можно засвидетельствовать революцию, которую террористы совершили в информационно-коммуникативном пространстве мировой политики с появлением «новых» СМК. Ранее, в эпоху традиционных СМИ, террористы могли рассчитывать только на опосредованное и идеологически маркированное освещение своих действий. От этой ситуации произошел гигантский скачок до той, в которой коммунике террористов, публикуемые на сайтах, цитируются ведущими СМИ как источник информации, в котором реальность изображена более адекватно, чем в правительственных СМИ. Как отмечает М. Конуэй, «ранее мало кто из тех, кого называли «террористом», рассматривался как легитимный или авторитетный источник новостей»³⁶.

В некоторых ситуациях медиаресурсы террористов пользуются даже большим доверием у общества, чем правительственные СМИ. Ряд исследователей, в частности Б. Хоффман, отметили эту тенденцию: «Одна израильская газета опубликовала статью, в которой утвержда-

ISLAMNET - B. Raman - 22-10-05.pdf (дата обращения: 03.06.2010).

³³ Солдатов А. Вызовы в сфере информационной безопасности: оценка актуальности угроз / Исследовательский центр Agentura.Ru ; Выступление на международной конференции «Правовое поле информационной безопасности: от данных к знанию, к уверенности через доказательство» 14–15 октября 2007 г. URL: <http://studies.agentura.ru/listing/vyzovi> (дата обращения: 03.06.2010).

³⁴ Hoffman B. Op. cit. P. 206.

³⁵ О возможных способах управления освещением терроризма в СМИ см.: Журавлев Д.А. СМИ и международный терроризм // Международная жизнь. 2009. № 4. С. 130–141.

³⁶ Conway M. Terrorism & New Media...

лось, что родители израильских солдат, которые служили в Ливане, регулярно заходили на сайт Хезболлы, чтобы узнать версию событий, не подвергшуюся редакции со стороны израильских военных цензоров»³⁷.

Более того, некоторые исследователи полагают, что наше видение этого «глобального фронта терроризма», с которым безуспешно ведут войну многие страны мира уже более 8 лет, сформировано именно исходя из сообщений самих террористов. В качестве примера можно привести слова М. Конуэй, которая считает, что «многое из того, что мы знаем об Аль-Каиде, почерпнуто с проэкстремистских сайтов»³⁸. Для нашего анализа данный факт важнее не столько в количественном измерении (насколько часто это происходит), сколько в качественном (что это в принципе имеет место быть).

Выводы. Мы видим, что коммуникационные технологии оказывают определенное влияние на доминирующий тип терроризма. Например, внедрение спутниковой передачи сигнала позволило «театру террора» обрести глобальную аудиторию и привело к «постановочным» терактам, ориентированным на освещение в новостных, в первую очередь западных, СМИ.

«Новые» СМК, часто называемые сетевыми, по идее должны подталкивать террористические структуры к эволюции в сторону сетевого способа организации. Однако мы видим, что полностью сетевая форма неприемлема с точки зрения обеспечения безопасности и эффективности функционирования.

Гибридная (иерархично-сетевая) форма организации является наиболее подходящей для террористов нового типа. Распыленности ячеек террористических сетей по всей Земле — это продукт не столько глобального замысла лидеров Аль-Каиды, сколько стечения обстоятельств, в одном месте позволивших сформироваться ячейкам джихадистов,

а в другом нет. В то же время подготовка масштабных терактов (таких как атака на Мумбаи в 2008 г.) или же ведение длительных террористических кампаний (в Ираке, Афганистане или Пакистане) требуют более иерархической структуры.

Сетевые технологии позволяют этим группам обретать коллективную идентичность, а также осуществлять связь друг с другом. В этом наибольший вклад «новых» СМК в функционирование современного терроризма. В то же время, активное их использование ставит группу в зависимость от данных технологий.

Коммуникативные стратегии террористов не могут быть целиком сетевыми, они не могут ориентироваться только на Интернет в своих действиях. Без привлечения внимания традиционных СМИ террористы окажутся в информационном вакууме, поскольку потребление информации в Интернете носит добровольный характер. Следовательно, террористы вынуждены использовать комбинированный подход, который бы включал как традиционные методы взаимодействия со СМИ, так и предлагал собственный медиапродукт, к которому могла бы обращаться интересующаяся и сочувствующая публика, будь то журналисты или потенциальные рекруты.

Средства массовой информации, которые создают террористы, и та версия событий, которую они продуцируют и доносят до глобальной аудитории (непосредственно или привлекая внимание традиционных СМИ к собственным медиапродуктам), становятся важными факторами информационно-коммуникативного пространства мировой политики, в частности, в вопросах терроризма и борьбы с ним. «Битвы историй», которые сопровождают все конфликты, могут если и не трансформировать «войну с терроризмом» в противостояние исключительно в информационно-коммуникативном пространстве, то как минимум сделать это измерение противоборства столь же значимым, как и реальные боевые действия.

³⁷ Hoffman B. Op. cit. P. 224, 226.

³⁸ Conway M. Op. cit.